

жетам из прошлого века. Об этом свидетельствуют созданные им образы однодворца Овсяникова (из рассказа под тем же названием), который был из числа «последних людей старого века» и А. Г. Орлова «видал часто (I, 128, 133), Тумана, дворецкого графа Петра Ильича («Малиновая вода») — человека «екатерининского времени» (I, 104), и В. И. Лучинова («Три портрета») — одного из «блистательных молодых людей начала царствования Екатерины», «обаятельно любезного» (V, 92—93) и в то же время сухого и холодного.

Наследниками французской культуры XVIII в. являются у Тургенева отец Федора Лаврецкого, Иван Петрович («Дворянское гнездо»), у которого «Волтер в голове сидит», ибо его наставник «отставной аббат и энциклопедист» «влил целиком в своего воспитанника всю премудрость XVIII века» (II, 166), а также Иван Матвеевич Колтовский («Несчастливая»), «высокий, видный старик с величавою осанкой», который любил, чтобы ему читали вслух «мемуары Сен-Симона, Мабли, Ренала, Гельвеция, переписку Вольтера, энциклопедистов» (VII, 161, 162). Наконец, в «екатерининские суровые времена» служил под знаменами А. В. Суворова Василий Фомич Гуськов («Бригадир»), ныне «убогий старичок» (VII, 109).